

Лин Ло подобрала подол платья, заправив его за пояс, и закатала рукава, обнажив пару тонких белоснежных запястий.

Хотя ствол старой хурмы был толстым, трещины в коре отлично подходили для того, чтобы ставить на них ноги. Наступив на один из выступающих наростов, Лин Ло ухватилась обеими руками за горизонтальную ветку и, оттолкнувшись, подтянулась на два шага вверх.

Нэчжа стоял под деревом, скрестив руки на груди, и наблюдал, как она ловко карабкается вверх. Венки на ее голове снова перекосятся, один из белых цветков вот-вот готов был упасть, но она этого даже не замечала.

Лин Ло быстро добралась до развилки. Здесь было за что держаться и куда поставить ноги, и она уверенно уселась на толстой боковой ветке, прислонившись спиной к главному стволу, и с улыбкой посмотрела вниз на Нэчжу.

Нэчжа, скрестив руки на груди, стоял под деревом и задирает голову. Солнечный свет, просеиваясь сквозь листву хурмы, пестрыми пятнами ложился на его лицо, и разобрать его выражение было невозможно.

Лин Ло протянула руку, чтобы дотянуться до ветки над головой.

Из-под дерева раздался голос Нэчжи:

— Левая. Та, которая красная.

— Левая слишком высоко, — проговорила Лин Ло, подавшись влево. Её пальцы коснулись донышка плода хурмы, она слегка повернула его, и хурма отделилась от ветки.

Она осторожно зажала фрукт в ладонях и крикнула вниз:

— Третий господин, лови!

Нэчжа поднял руку и уверенно поймал её. Плод упал на его ладонь, еще храня тепло солнечных лучей, — мягкий и теплый.

— Ту, что выше.

— Эту?

— Ты ослепла, что ли? Которая еще выше, видишь?

Лин Ло сорвала еще несколько штук, а те, что уже не помещались в руках, просто сбросила вниз. Она сидела на ветке, болтая в воздухе ногами в расшитых туфельках. Солнечный свет мягко струился по её фигуре, окрашивая канареечно-желтое платье в теплые золотистые тона, и даже пряди волос отливали легким сиянием.

Листва хурмы покачивалась рядом с ней, к её одежде прилипли травинки и обломки листьев, причёска немного растрепалась, а несколько выбившихся прядей падали на уши. Прижимая к груди охапку оранжево-красной хурмы, она походила на какого-то лесного духа, выросшего прямо на этом дереве.

Нэчжа задрал голову, глядя на неё. В этот момент он почему-то вспомнил слова, которые часто повторяла его мать: эта девчонка такая живая и миловидная, точь-в-точь фарфоровая куколка.

— ...

— Третий господин, посмотри, — Лин Ло сидела на дереве, прикрывшись двумя маленькими зелеными хурминками и оставляя на виду лишь лукаво улыбающиеся розоватые губы.

— ...Дропища глупая, вылитая дурочка, — уголки губ Нэчжи дрогнули от её выходок, и он отвернулся.

Разве она похожа на фарфоровую куколку? Фарфоровая куколка не умеет лазать по деревьям, не измажется с ног до головы в пыли и уж точно не станет разгуливать с кривым венком из полевых цветов на голове, улыбаясь во весь рот. Фарфоровые куколки созданы для того, чтобы ими любоваться, а она была живой.

Живой.

Эта мысль застала Нэчжу врасплох, и он почувствовал себя как-то странно. Прежде чем он успел разобраться, откуда взялось это странное чувство, Лин Ло уже спрыгнула с дерева.

— Хватит, хватит, — она положила собранную в подол хурму на траву у корней дерева, уселась, поджав ноги, и протянула Нэчжа один из мягких плодов. — Это отборные фрукты, съешь — и всё сложится как по маслу.

Лин Ло очистила кожицу и откусила кусочек; мякоть оказалась нежной и тающей во рту, и она без умолку повторяла, как это сладко.

Всё сложится как по маслу... Нэчжа посмотрел на оранжево-красный плод в своей руке.

Разве желания действительно могут исполняться?

Помолчав немного, он заметил, что сидевшая рядом девушка уплетает угощение за обе щеки, и тоже надкусил то, что держал в руке. Ел он совсем не так, как обычно: медленно пережевывая пищу, так что его щеки то надувались, то опадали.

Покончив со своим плодом, Лин Ло больше не ела, а украдкой разглядывала профиль Нэчжи. Достав из рукава платок, она вытерла руки и протянула еще один Нэчже.

Подражая тому, как Нэчжа делал это в прошлый раз, Лин Ло указала пальцем на соответствующее место в уголке собственного рта, показывая, что нужно вытереться.

Нэчжа бросил на нее взгляд, но ничего не понял. Она повторила жест, и Нэчжа нахмурился.

— Чего тебе?

— ...Эх, третий господин, — Лин Ло решительно подалась вперед и прижала платок к его губам.

Верхняя половина туловища Нэчжи резко отклонилась назад, и он чуть не ударился затылком о ствол дерева. Выхватив у нее платок, он принялся сам небрежно тереть лицо.

— Ты! Кто тебе позволил...

— Ладно-ладно, в следующий раз не буду, — небрежно бросила Лин Ло.

Скомкав платок в комок, Нэчжа швырнул его ей обратно на колени, поднялся, отряхнул подол и зашагал обратно по тропинке в гору, повернувшись к ней спиной.

Лин Ло завернула оставшиеся плоды хурмы в платок, подобрала подол и бросилась за ним.

Оба вернулись к главному залу, когда Ли Цзин и госпожа Инь уже прибыли.

Повозки с быками и лошади остановились у горных ворот, а сопровождавшие их слуги несли подношения. Госпожа Инь стояла на каменных ступенях перед залом и, заметив их издали, улыбнулась.

— Похоже, вы вдвоем отлично повеселились, — когда они приблизились, в глазах госпожи Инь мелькнула еще более теплая улыбка.

Ли Цзин слегка нахмурился, и выражение его лица было недовольным:

— Что за непотребство.

Пока Ли Цзин отвернулся, Лин Ло торопливо сняла с головы венок и сунула его в рукав. Затем она протянула завернутую в платок хурму стоявшей рядом Юнь Цю.

— Дикая хурма с горы, сестрица, возьми с собой, угостишь остальных.

Юнь Цю приняла сверток и поблагодарила её.

Госпожа Инь подозвала Нэчжу к себе. Когда он подошел, она отряхнула с его плеч застрявшие листья и тихо сказала:

— Чжа-эр, обряд благословения нужно провести от начала до конца, ступай за отцом внутрь.

Уголки губ Нэчжи опустились вниз, но отвечать он не стал, и они оба вслед за Ли Цзином переступили порог главного зала.

Лин Ло присела на каменные ступени у входа. Она была всего лишь служанкой, и в таких торжественных ритуалах ей не полагалось стоять внутри святилища.

Изнутри доносилось невнятное бормотание сутр, смешанное с мерным постукиванием деревянной рыбы. Ароматный дым благовоний сочился сквозь щели дверей, белесой пеленой окутывая пустую площадку перед храмом.

Подперев щеку рукой, она почувствовала, как веки начинают тяжелеть.

В последнее время ей приходилось слишком поздно засиживаться за созданием талисманов, и накопившийся недосып давал о себе знать — голова так и норовила клонуть носом вниз.

Прошло ли много времени — неизвестно.

Лин Ло почувствовала сырость в рукаве, нашаманила там венок и обнаружила, что капли росы на ветках превратились в тонкий слой инея, который таял от малейшего прикосновения пальцев.

Белая пушинка плавно опустилась на её кончик пальца. Вторая упала на тыльную сторону ладони.

Лин Ло подняла голову.

Небо неизвестно когда переменило свой цвет. Чистая синева, с которой она выходила из дома, была напроочь поглощена свинцово-серыми тучами, нависшими так низко, казалось, они готовы тереться о коньки крыши храма.

Её ресницы дрогнули, и ледяная капля упала прямо на них, тут же превратившись в слезинку, скатившуюся в уголок глаза.

Пошел снег?

Мелкая снежная крупа сыпалась из разрывов в облаках редкими хлопьями. Лин Ло раскрыла ладонь, ловя несколько крупинок; они падали на теплую кожу, оставляя после себя лишь едва заметные влажные пятна.

Несколько паломников как раз выходили из храмовых ворот.

Мужчина вытянул руку за пределы карниза:

— Странно... Едва наступил месяц цзы, а уже идет снег.

— Зима в этом году пришла на редкость рано, — женщина потянула завязки вуали на шляпе. — Только похолодало — и сразу мороз.

— Снег — это к добру, — мужчина потер ладони о полу одежды, стирая талую воду. — Лишь бы этот снегопад продлился подольше и промочил землю как следует, чтобы будущей весной пашня была готова к посеву.

— Неужели этот храм и вправду так благословен? Дождь или снег — любая влага в радость, поистине милосердие свыше.

Ступени под ногами покрывались тонким имоем — белесая пелена расползалась по узорам серого камня.

Чем ниже спускались ступени, тем толще становился иней, а у самых нижних он уже превратился в скользкую корочку льда, отсвечивающую сизоватым блеском.

Лин Ло окинула взглядом затянутую изморозью лестницу.

Там, вдали у горных ворот, на самом конце каменных ступеней смутно угадывалась чья-то фигура.

Человек был облачен в белые одежды, его серебристые волосы ниспадали до самых бедер, и уже невозможно было разобрать, где пряди волос, а где падающий снег. Он стоял неподвижно, а плиты голубого камня под его ногами обрамляло ледяное кольцо, которое продолжалось расширяться, дюйм за дюймом расползаясь во все стороны.

Снежинки кружились вокруг него, не касаясь земли. Казалось, весь этот горный холод и снег исходили от него самого.

Лин Ло не могла разглядеть его отчетливо и сделала пару шагов вниз, приближаясь.

Незнакомец словно что-то почувствовал и слегка повернул голову. Снег валил слишком густо, чтобы разглядеть черты лица, но можно было смутно заметить безупречно белый подбородок и пару прозрачных, как гладкий речной хрусталь, глаз.

Его губы шевельнулись, беззвучно произнеся несколько слов.

...Что он сказал? Она прищурилась, пытаясь получше разглядеть человека, но его силуэт качнулся в пелене мелкого снега, словно отражение в воде, потревоженное рябью.

Лин Ло уже собиралась подойти еще ближе, как вдруг чья-то рука протянулась сзади и крепко сжала её запястье.

— На что ты смотришь?

<http://bllate.org/book/21188/2145366>